

Тема революции в поэме Блока «Двенадцать»

Н. Горбунов

Свою поэму «Двенадцать» Блок посвятил революции. Снежная вьюга революции «начинается» с первых же строк поэмы; и с первых же строк ее черное небо и белый снег — как бы символы того двойственного, что совершается на свете, что творится ныне в каждой душе.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек...

Так через всю поэму проходят, переплетаясь, два внутренних мотива. Черный вечер — кровь, грязь, преступление; белый снег — та новая правда, которая через тех же людей идет в мир. И если бы поэт ограничился только одной темой, нарисовал бы или одну только «черную» оболочку революции, или только ее «белую» сущность — он был бы восторженно принят в одном или другом из тех двух станов, на которые теперь раскололась Россия. Но поэт, подлинный поэт, одинаково далек и от светлого славословия и от темной хулы, он дает двойную, переплетающуюся истину в одной картине.

Черный вечер.
Белый снег.

Вся поэма в этом.

Иванов-Разумник

Как передает Блок музыку революции? Это удастся поэту при помощи образов двенадцати красноармейцев. Они — темные убийцы, злодеи. Они чувствуют силу и размах того мирового вихря, песчинками которого являются. Они чувствуют и понимают то, что злобно отрицает и «писатель — вития», и обывательница «в каракуле», и «товарищ поп» и вся духовно павшая интеллигенция в кавычках. И за эту правду они и убивают, и умирают. Знают ли они, что идут против мирового Атланта, что все своды его старого здания предадут огню? Знают — и в этом их благая весть мировой социальной революции:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи благослови!

Правда, они сами не знают, какого они духа, сами не знают, насколько совершающееся ныне в мире глубже видимой им внешности «буржуев» (а может быть, не знают, но чувствуют? Ведь «мировой пожар в крови!»). Но знают они твердо, что к старому миру возврата нет, что «Святая Русь» лежит по эту сторону разделившей всех нас пропасти (и ненавидят же их за это все заупокойные плакальщики о России!). Знают они, что «Святая Русь», что весь старый мир — отныне худшие и непримиримейшие их враги. Знают — и зовут: «Вперед, вперед, рабочий народ!»

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трус!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

И знают они, что борьба предстоит упорная, долгая, чувствуют они, что Атлант до конца будет стоять горой за кирпичи старого мира. И через кровь, через злодеяние слишком легко, быть может, готовы они перешагнуть: «Потяжеле будет бремя нам, товарищ дорогой!» Это бремя — бремя тяжелой борьбы со старым миром, который теперь «хвост поджал — не отстает», но который еще обратится в злобного волка, отстаивающего свою старую нору мещанского мира. Не могучим Атлантом, а побитым псом представляется теперь «двенадцати» старый мир. Он разбит в первой хватке — и идут дозором «двенадцать», твердо зная, что «вот проснется лютый враг».

Так от реального «революционного Петербурга» поэма уводит нас в захват вопросов мировых, вселенских.

В. Евгеньев-Максимов

Знаменитая поэма Блока «Двенадцать» свидетельствует, что Блок принял революцию, но многое в ней не понял. Принятие революции Блоком заключается, прежде всего, в том, что, воспринимая революцию как борьбу двух миров, наиболее воплотившихся в двух враждующих классах — буржуазии и пролетариате, Блок выразил свое отрицательное отношение к первой и свое горячее сочувствие второму. Удивительно яркими красками обрисованы представители старого мира: тут и «писатель-вития», истерично выкликающий по адресу большевиков: «Предатели!»; тут и приунывший «товарищ поп», которому уже не придется более, «как бывало, брюхом идти вперед», «сияя крестом на народ»; тут и оплакивающая что-то или кого-то «барыня в каракуле», которая никак не может научиться, не падая, ходить по сугробам. Эти единичные образы оттеняют основной образ старого мира — образ стоящего на перекрестке и упрятавшего свой нос в воротник буржуа, рядом с которым «жметя шерстью жесткой поджавший хвост паршивый хвост паршивый пес».

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Буржуй стоит на перекрестке, потому что он растерялся, потому что он ошеломлен внезапным взлетом революционных волн, но примириться с происшедшим он органически не может. Блок знает, что растерянность буржуа продлится недолго, он сойдет со своего перекрестка и бросится в бой; пес паршивый (старый мир), признавший буржуа своим владыкою, только временно «поджал хвост», скоро он начнет «скалить зубы» и превратится в страшного голодного волка, одолеть которого будет нелегко. Вот почему Блок не устает предостерегать борцов мира нового:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
...
Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!
...
Вот — проснется
Лютый враг!

О чем рассказывает Блок в центральной части поэмы? О том, как красногвардеец во время обхода города с товарищами с помощью этих самых товарищей из ревности

убивает свою прежнюю любовницу Катьку и покушается на убийство ее нового любовника, солдата.

Л. Троцкий писал:

«Возможно это или невозможно? Вполне возможно. Но такого красногвардейца революционный трибунал, если бы настиг, приговорил бы к расстрелу. Революция, применяющая страшный меч террора, сурово оберегает свое государственное право: ей грозила бы неминуемая гибель, если бы средства террора стали пускаться в ход для личных целей. Уже в начале 18 года революция расправилась с анархической разнузданностью и вела беспощадную и победоносную борьбу с разлагающимися методами партизанщины. “Открывайте погреба, гуляет нынче голытьба!” И это было. Но сколько кровавых столкновений происходило на этой почве между красногвардейцами и громилами! На знамени революции была написана трезвость. Революция, особенно в тот, наиболее напряженный период, была аскетична».

Эти картины революционной действительности хотя и не возбуждают никаких сомнений относительно своей возможности, отнюдь не характерны для революции как таковой. Трудно допустить, чтобы Блок не сознавал, что главное, наиболее важное в революции — не убийство Катек и не разгром погребов. Зачем же тогда он наибольшее внимание в своей поэме уделил этим явлениям? Он находился под властью того же настроения, которое несколько ранее заставило его стихотворение, посвященное изображению отвратительнейшего ханжи, лицемера, хищника-эксплуататора, закончить неожиданным возгласом:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

(«Грешить бесстыдно, непробудно»)

В своем страстном преклонении перед революцией Блок концентрирует в своей поэме наиболее отрицательные явления, ею вызванные, для того, чтобы резче подчеркнуть, что даже и в таком виде революция должна быть принята и благословенна. Но при этом он забывает, что перед читателем разворачивается уже картина собственно не революции, а сопутствующих ей явлений. Здесь ярче сказался максимализм Блока. Если уж принимать и благословлять, то все. Желанием, насколько возможно больше возвысить революцию объясняются и сопоставление двенадцати красногвардейцев с двенадцатью христовыми апостолами, и появление в заключительных строфах поэмы самого Христа с кровавым флагом. Блок знает, что революция отреклась от Христа и в его поэме подчеркивается это:

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Или

От чего тебя упас
Золотой иконостас?

Красногвардейцы не узнали Христа, стреляют в него, но все же они идут путем, им указанным.